

Хамуталь Бар-Йосеф: «Поэзия у меня совсем не романтическая»

- Кто Ваши любимые поэты? Какие поэты оказали на Вас влияние? Совпадают ли эти ответы?

- Самая великая поэзия, на мой взгляд, находится в Библии: в Псалмах, Песни песней, книге Иова. Иногда мне просто трудно поверить, что такая мощная и отточенная поэзия была написана так давно. Я люблю Бялика, у меня такое ощущение, будто он мой дедушка. Восхищаюсь стихами Авраама Бен-Ицхака. Мне очень близки некоторые стихи Амира Гильбоа. Он – мой старший брат. Когда-то таким был Хаим Гури. Хаим Ленский – на мой взгляд, великий мастер словесной игры и музыкальности, не меньше Альтермана, с которым у меня сложные отношения. Лея Гольдберг и Зельда – две мои матери. Из ныне живущих поэтов я очень люблю стихи Ривки Мирьям. Она – моя сестра (хотя она этого и не знает). Из мировой поэзии меня восхищают стихи Пушкина, Шекспира, Лорки, Чеслава Милоша. Когда-то я любила Бодлера и Верлена, но теперь отошла от них.

Кто из них повлиял на меня? Трудно сказать. Думаю, что самое первое влияние оказали на меня стихи моего брата. Он погиб в Войне за независимость, и, как тогда было принято, родители издали в его память книжку с его письмами, сочинениями и стихами.

- Тема поэта и языка. Маяковский в стихотворении памяти Есенина назвал поэта «подмастерьем у народа-языкотворца». Ощущаете ли Вы себя таким «подмастерьем»? Или «языкотворцем»? Или «хранительницей языка»?

- По-моему, эти идеи выросли на почве очень романтического представления о языке. Я не разделяю романтического мировоззрения, и поэзия у меня совсем не романтическая.

- Язык для Вас только средство? Или цель тоже?

- Мне кажется, в двадцатом веке в ивритской литературе обращали непомерное внимание на роль языка, вплоть до того, что даже пренебрегали содержанием, и в результате отдалили поэзию от людей, которые не занимаются ею профессионально. Я выросла в атмосфере культа языка, и, возможно, поэтому у меня разился протест против него. Я очень стараюсь писать просто, не заниматься чисто словесными играми. Но чтобы ясно и эффективно выразить что-то, приходится, конечно, пользоваться языком и всеми его особыми средствами. Иврит, разговорный и литературный, течет в моей крови, и я стараюсь пользоваться им осторожно, не превращая в самоцель.

- Присутствует ли среди причин, побуждающих Вас писать, желание внести в ивритскую литературу что-то недостающее в ней?

- Да. Я чувствую, что ивритской литературе недостает зрелости, не хватает классического, разумного, с юмором, не революционного, конструктивного, еврейского взгляда. Многое в израильской литературе (и вообще в светской израильской культуре и жизни) кажется мне очень инфантильным. Я стараюсь, насколько это в моей власти, писать не инфантильные стихи (и когда пишу прозу

— тоже стараюсь идти в этом же направлении). Но это мое стремление противоречит тому обстоятельству, что я нередко пытаюсь описывать тяжелые переживания и в том числе возвращаюсь к душевным травмам детства. Думаю, такое неромантическое отношение к детским и взрослым психологическим травмам — и есть то, что мне нравится в литературе и о чем мне хочется писать самой.

- Русский писатель Сергей Довлатов написал однажды: «Поэзия есть форма человеческого страдания». Согласны ли Вы с этим?

- Совершенно не согласна. Для меня поэзия — это форма связи между людьми, форма завлечения, приглашение приобщиться к очень интимным переживаниям. Я пишу уж точно не только ради того, чтобы «выразить себя». Я пишу для того, чтобы поделиться с другими своими забавами и своими открытиями.

- Многие из Ваших стихотворений написаны свободным или почти свободным стихом, и лишь немногие — более или менее строгой формой, традиционной (сонеты) или оригинальной (как «Менуэт» — вольным ямбом с единой рифмовкой). Как Вы относитесь к этим разным видам стихотворной формы?

- Думаю, что стихотворная форма должна быть четко связана с эмоциональным характером и сюжетом стихотворения. Так у меня и получается: форма диктует определенный эмоциональный тон, создает определенное настроение. Я не чувствую себя обязанной перед какой бы то ни было стихотворной формой или традицией. А просто выбираю — или попадаю — в какую-то форму, музыка которой соответствует будущему стихотворению — и ловлю себя на том, что сочиняю его.

- Вы занимаетесь и переводами на иврит, не так давно в Вашем переводе вышла книга стихов Юлии Винер. Продолжаете ли Вы заниматься переводами, с русского или других языков?

- Скоро должна выйти книга, которая даст ивритскому читателю представление о Владимире Соловьеве. В нее войдут в моих переводах несколько его стихотворений (в основном посвященных теме «Софии»), написанный по-французски ранний философский трактат «София», знаменитый труд «Смысл любви» и статья о Талмуде. В этой статье, написанной в 1896 году, Соловьев защищает моральную ценность Талмуда, показывая это на примере десятков цитат в собственном переводе. Он изучал Талмуд со своим другом Файвелем Гецем, который учил его также ивриту и чтению Танаха. Мне было очень интересно находить ивритские оригиналы этих цитат и сравнивать, как Соловьев их переводит и объясняет.

А сейчас я перевожу на иврит рассказы Исаака Бабеля. Некоторые из них уже переводили на иврит Авраам Шлёнский и Нили Мирски. Я собираюсь перевести всё, и переведенное и непереведенное. Это очень захватывающая работа.

Из речи на церемонии вручения премии «Женщина в искусстве»

Женщина, занимающаяся искусством, зачастую оказывается обманутой. В детстве у нее обнаруживаются способности, одобряемые родителями и учителями (а это главные авторитеты, формирующие ее представление о самой себе), иногда и другими родственниками. Интеллектуальное превосходство девочки над ровесниками и ровесницами приносит плоды: похвалы, восторги, поцелуи. Вот она в четырнадцать лет: ее таланты – гордость семьи. Она привыкает пользоваться своими талантами и получать взамен любовь и восхищение. Она пристрастилась к удовольствию и утешению, которое дает творческая деятельность.

Вот я вижу ее в двадцать четыре года: она начинает понимать, что эти таланты не только излишни, но во всем, что касается отношений с партнером, даже и вредны. Иногда она понимает, что стоит перед выбором: либо искусство, либо семья – и отказывается от одного из них. Какой из этих отказов более жесток, я не знаю. Иногда она не спешит это понять. Она думает, что можно совместить и то и другое. Почему бы и нет? Разве мужчины, занимающиеся искусством, отказываются от семейной жизни? И, кроме того, она привыкла и даже любит брать на себя особые задачи.

В тридцать четыре года – уже поздно. Есть муж (иногда он тоже человек искусства), есть дети. И муж, и дети ее любят и ценят, но совершенно не за творческие таланты. Они хотят иметь маму и жену – и все. Она с удивлением обнаруживает, что они даже немного враждебно относятся к ее занятиям искусством, к ее успеху у публики, к ее творческому темпераменту – в лучшем случае они относятся ко всему этому СНИСХОДИТЕЛЬНО! Она начинает сердиться и видит, что придется уйти в подполье. В подполье? В собственном доме? Да, дом и любимые домочадцы становятся немного опасны, становятся немного врагами, которых приходится опасаться. Вот что она ощущает. Она не знает, что тем самым она проявляет жестокость к ним, особенно к детям. Что дети изначально страдают от того, что ИХ СОБСТВЕННАЯ И БОЛЬШЕ НИЧЬЯ мама открыла свою внутреннюю дверцу всему миру. И что они страдают больше нее, потому что у нее есть выбор, а у них нет. Она не всегда понимает, что они страдают: почему они должны страдать? Они должны любить и ценить ее за ее таланты, так же как ценили ее родители и учителя!

Когда она поймет, как они страдали (если она вообще согласится признать это), будет слишком поздно. Выбора у нее уже не будет. Она будет жить, зная, что ее нежелание отказаться от творчества омрачило ее семейную жизнь, испортило ее образ хорошей матери в глазах детей и хорошей жены в глазах мужа, а хуже всего – причинило ни в чем не повинным и любимым детям страдания, которых уже не исправить.

Я понимаю, что этот грустный сценарий – не единственно возможный. Это результат переходного периода, частью которого оказалась я сама и мои ровесницы. Я верю, что муж и другие взрослые члены семьи могут вести себя по-другому и не доводить до такого, и что сама женщина, если она выросла уже при современном феминизме, будет вести себя иначе, чувствовать себя иначе и рассказывать эту историю иначе. И, однако, я и сегодня знаю слишком много подобных случаев и для того и рассказываю обо всем этом, чтобы их было поменьше. Это не уменьшит количество страданий в мире, но, может быть, перераспределит их...